

УДК 330.3+ 330.8

Б.А. Ерзнкян

ДОКТРИНА АКАДЕМИКА ЛЬВОВА ПРОТИВ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ: СОПОСТАВЛЕНИЕ СТРУКТУРЫ И ЛОГИКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ¹

Аннотация. Рассматриваются структурно-логические особенности доктрины академика Львова в сопоставлении с неолиберальной доктриной, легшей в основу проведения рыночных реформ в России. Обсуждаются причины несостоятельности последней и ее провальных последствий, равно как и возможности реализации доктрины Львова.

Ключевые слова: доктрина Львова, неолиберальная доктрина, исследовательская программа, твердое ядро, защитный пояс, будущее России.

Bagrat Yerznkyan

ACADEMICIAN LVOV'S DOCTRINE VS. NEO-LIBERAL DOCTRINE: COMPARISON OF THE RESEARCH PROGRAMS' STRUCTURE AND LOGIC

Annotation. The structural and logical features of the doctrine of Academician Lvov in comparison to the neo-liberal doctrine, formed the basis of market reforms in Russia, are considered. The reasons of insolvency of the latter and its unsatisfied consequences as well as the possibility of implementing the Lvov's doctrine are discussed.

Keywords: Lvov's doctrine, neo-liberal doctrine, research program, hard core, protective belt, Russia's future.

Предыстория возникновения социально-экономической доктрины академика Львова относится к позднему советскому периоду, когда в академических институтах – прежде всего в Центральном экономико-математическом институте и Институте экономики – стали проводиться исследования, направленные на «коренное обновление хозяйственного механизма, совершенствование системы и методов регулирования экономики, четкое проведение институциональных перемен» [1, с. 79]. Именно в то время возникла в числе прочих концепция технологических укладов – целостных самовоспроизводящихся, структурно-технологических единиц, образующие в совокупности целостную экономику, дополненная впоследствии понятием институциональных укладов, равно как и научно-технического прогресса как динамического неравномерного процесса структурных изменений в социально-экономической системе, отличающегося высокой степенью неопределенности, Львова–Глазьева [9].

Что касается собственно истории разработки доктрины, то она относится к периоду перестройки, начала рыночных реформ и последующих лет, когда все усилия Д.С. Львова сосредоточились на разработке и реализации социально-экономической доктрины развития страны. Новизна этой доктрины, неразрывно связанная с видением Д.С. Львова проблем современной России и контуров ее будущего, базировалась на отказе от стандартных стратегических установок на реформирование социально-экономической системы страны с позиций рыночного догматизма, культивируемого младореформаторами. Теоретическим фундаментом для этого послужила признание принципиальной вариативности основанных на приоритетности рынка форм экономики, их много- и разнообразие, предполагающее обоснование необходимости разработки и реализации стратегии переустройства экономики с учетом существующих реалий и собственных интересов, которые должны быть выражены в целевых установках стратегии реформирования и подтверждены наличием адекватной ресурсной базы.

© Ерзнкян Б.А., 2016

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-18-02948 («Новая теория воспроизводства капитала: развитие и практическое применение»)

Экономисты-исследователи в целом, если не считать тех, кто был в принципе против реформ, оказались разделенными на два лагеря: первый (не по значению) объединил сторонников ортодоксальной свободной рыночной экономики, второй – тех, кто пытался дать не навязанное извне, а учитывающее национальные особенности собственное видение пути продвижения вперед. Первую группу составили приверженцы *первого* канона, вторую – *второго*, или второго. Такое, возможно, грубое разграничение имеет давнюю историю. В экономической науке при обилии различных направлений и ответвлений принято различать два диаметрально противоположных подхода или канона: первый, он же ортодоксальный, составляющий современный мейнстрим, и второй – периферийный, но не по сути, а с точки зрения его соотношения с магистральным течением [12].

Поскольку в центре нашего внимания не содержательное рассмотрение доктрины, а ее структурно-логическая интерпретация, целесообразно обратиться к исследовательской программе методолога науки Лакатоша, в которой научная теория представляется состоящей из двух частей – *твердого ядра* (англ. hard core), служащего для обозначения неизменных постулатов теории, и *защитного пояса* (англ. protective belt), отвечающего за меняющиеся черты теории. Они суть дополняющие друг друга и логически довольно-таки безупречные части: благодаря первой (неизменности) обеспечивается идентификация теории как таковой, благодаря второй (изменчивости) – возможность теории к развитию. При этом сама по себе жесткость твердого ядра вовсе не так и абсолютна, ведь «оно тоже развивается, но, предположительно, гораздо медленнее защитного пояса» [2, с. 85]. В отношении неолиберальной доктрины суть этих понятий такова:

- твердое ядро (предпочтения стабильны; рациональный выбор и максимизация полезности; равновесие на рынке и общее равновесие на всех рынках);
- защитный пояс (права собственности неизменны, четко специфицированы; информация доступна и полна; потребности индивидов удовлетворяются посредством обмена – без издержек, но с учетом первоначального распределения).

Прежде чем перейти к особенностям исследовательской программы Львова отметим, что переход ее предыстории в историю знаменовался крахом социалистической системы и необходимостью поиска новой теории, адекватной постсоветской реальности. В качестве таковой власти, проигнорировав мнение академического сообщества, навязали стране реформирование в соответствии с постулатами неолиберальной доктрины свободных рынков, известной как постулаты Вашингтонского консенсуса. Первоначально они включали 10 пунктов, включая либерализацию, приватизацию, дерегулирование, защиту прав собственности; в дальнейшем – после провала реформ – была сделана попытка добавить еще 10 пунктов: корпоративное управление, антикоррупционные мероприятия, независимость центральных банков, сети социальной защиты, снижение бедности и др. [13, р. 40].

По замыслу ее инициаторов, для построения рыночной экономики достаточно было внедрить исходные постулаты доктрины в твердое ядро пригодной для России исследовательской программы, полагая возникновение защитного пояса спонтанным и само собой разумеющимся. Проведя аналогию между теоретико-онтологическими понятиями ядра и пояса и соответствующими им реально-онтологическими понятиями базиса и надстройки марксистской политэкономии, можно сказать, что реформаторы все свое внимание сосредоточили на первом из этого ряда понятий. *Парадокс* возникшей ситуации заключался в том, что младореформаторы, будучи антиподами Маркса, поступали на самом деле как его рьяные сторонники, трактуя базис (твердое ядро) основополагающим и определяющим существование надстройки (защитного пояса).

Социально-экономическая доктрина академика Львова изначально складывалась как альтернатива радикально рыночному курсу тогдашних реформаторов, ориентируясь на построение в России общества нового типа – *социальной справедливости* и *высокой эффективности*. Следует отметить, что попытки построения такой теории до Львова терпели неудачу. Одной из причин можно считать

то, что *ортодоксия* (неоклассика) решала преимущественно только *вторую проблему*, считая, что решением первой «по большому счету» займется «невидимая рука» рынка; этот путь Запад считает единственно верным, а потому и образцом для подражания. Так, при приватизации «вместо поиска путей к сплочению российского общества через придания ему статуса субъекта политических и экономических прав, что отвечало бы вызовам нового постиндустриального информационного века, стране были навязаны в качестве основополагающей базы общественного и государственного устройства принцип частной собственности в том виде, как он существовал в XVII–XVIII вв. Воспользовавшись юридической фикцией приобретенных прав собственности, приватизаторы изменили имущественные и экономические основы государства, придав ему новый усеченный, соответствующий их интересам характер» [7, с. 23].

В отличие от неоклассики *неортодоксальные течения* (такие, как марксизм) предлагали решение *первой проблемы*, подразумевая и решение второй в купе с первой; такой путь предлагался в качестве образцового системой реального социализма. Так,

Для построения теории, способной решить обе эти проблемы в совокупности, Д.С. Львов предложил опереться на *концепцию справедливости*, согласно которой:

- 1) рухнула не социалистическая идея, а ее конкретное воплощение;
- 2) путь «вперед или назад к рынку» не может привести к созданию искомого общества, ибо не сможет обеспечить каждому индивиду защиту от риска оказаться беднейшим его членом;
- 3) целью должно стать обеспечение общества в целом и каждого гражданина в отдельности (живущего и еще не родившегося – отсюда идея Фонда будущих поколений) доходом от использования природных ресурсов, не созданных нами, а данных, что называется, от Бога.

Вопросы справедливости в их соотношении с институциональными понятиями и необходимость использования результатов модернизации в целях построения в России справедливого общества рассматриваются *в числе прочих* в работе [4]. Важность опоры на концепцию справедливости проявляется в том, что она позволяет подойти к двуединому решению проблемы *социального и экономического* развития, ключом к чему может послужить *четвертая*, по Г.Б. Клейнеру, *аксиома академика Львова*: «Социальное и экономическое развитие каждой страны неразделимо связаны. Устойчивое развитие экономики невозможно без развития социума и обеспечения системы взаимодействия между ними» [6].

Структура экономической модели третьего пути включает: систему национального имущества; систему национального дивиденда; рентную систему формирования бюджетных доходов; новую промышленную политику; новую систему межрегиональных взаимодействий. Реализация системы национального имущества достигается путем: конституционного закрепления значительной доли ресурсов в форме коллективного достояния всего общества; открытого конкурентно-рыночного режима хозяйственной эксплуатации национального имущества, обеспечивающего необходимый уровень его доходности; национального дивиденда – части предпринимательского дохода и всей ренты от коммерческой эксплуатации национального имущества, которые присваиваются обществом в качестве главного экономического источника фонда социальных гарантий.

Опуская подробности, отметим, что Д.С. Львов заложил основы экономической модели, адекватной *социально-справедливому и высокоэффективному* обществу. В этом и заключается «залог успеха *в продвижении России по своему пути*, который может стать притягательной силой для других стран и народов в глобальном переустройстве мировой экономики на принципах солидарной заботы о будущем» [8, с. 54].

Разграничение теоретических постулатов доктрины Львова на твердое ядро и защитный пояс целесообразно сделать в сопоставительном ключе, представив структуру и логику диаметрально противоположных доктрин и их реализаций для их беспристрастного сравнения.

Логика и структура теоретической составляющей неолиберальной доктрины:

Постулаты неолиберальной доктрины взамен теории плановой экономики → трансплантация неоклассического твердого ядра + ожидание возникновения адекватного защитного пояса → утверждение теории с рыночно-ориентированным ядром и поясом.

Реальность и последствия реализации логики неолиберальной доктрины:

Постулаты неолиберальной доктрины → навязывание твердого ядра неоклассики + состояние институционального вакуума → смесь исходных и добавленных постулатов вместо твердого ядра + институциональный нигилизм вкупе с социальной агрессией и апатией вместо защитного пояса → отсутствие внятной теории → смутное время.

Логика и структура теоретической составляющей доктрины Львова:

Зарождение доктрины Львова в недрах теории плановой экономики → формирование твердого ядра доктрины + учет особенностей старого защитного пояса → развитие твердого ядра доктрины + «выращивание» нового защитного пояса → превращение доктрины Львова в теорию третьего пути → контуры новой России.

Возможные результаты и последствия претворения в жизнь доктрины Львова:

Поздняя теория планового хозяйства → формирование нового твердого ядра в противостоянии с трансплантированными неоклассическими постулатами + учет особенностей старого защитного пояса и изменение отношения людей к реальности → развитие нового твердого ядра, адекватного третьему пути, + культивирование и укрепление нового защитного пояса → развитие теории третьего пути и ее применение на практике → новый облик России.

Как видно из этих логик, одной из главных причин провала рыночных реформ в том виде, в каком они задумывались, было практически полное пренебрежение защитным поясом и в более широком смысле – мягкой составляющей реформ, включающей *помимо прочего* необходимость изменения отношения людей к меняющейся реальности, о чем неоднократно говорил Д.С. Львов. По-своему изменением отношения людей к реформам и их последствиям занимались и младореформаторы, главной заботой которых являлось формирование массового типичного экономического мышления, определяющего поведение масс, подготовку и принятие важнейших решений, внедряемое в общественное сознание через систему образования и средства массовой информации. По сути, речь идет о «промывке мозгов»: такое мышление «в значительной степени построено на механических, примитивных и далеко не профессиональных попытках навязать России некие идеологизированные стереотипы, приучить нас жить как бы по шпаргалке, списанной с чужого опыта» [1, с. 79]. Обращаем внимание читателя на то, что такое навязывание такого рода мышления призвано было упрочить навязывание теоретических постулатов, иными словами роль защитного пояса сводилась к оправданию твердого ядра и его подкреплению, как массовой общественностью, так и лицами, принимающими стратегические и тактические решения в стране.

Но защитный пояс должен служить для того, чтобы придать теории силу развиваться, преодолеть свои узкие места, а не быть идеологическим прикрытием твердого ядра. Его важность самоценна, и для иллюстрации этого тезиса сошлемся на пример корпоративного переустройства российской экономики. Как известно, при приватизации реформаторами был взят курс на построение англо-американской корпоративной модели, но без учета российской специфики и того элементарного обстоятельства, что внедряемая модель может сработать только при наличии институтов, причем не просто совместимых друг с другом, а являющихся комплементарными – дополняющими и поддерживающими, подкрепляющими друг друга. Сказанное относится не только к формальным, но и к не-

формальным институтам – нормам, разделяемым обществом. Принимая во внимание неформальные нормы и требование конгруэнтности или сопричастности импортируемых институтов корпоративного управления и контроля этим самым нормам, следует признать, что нам ближе континентальная (возможно, в большей степени) и японская (предположительно, в меньшей степени) модели, нежели англо-американская модель корпоративной системы. Речь, разумеется, идет не о слепом копировании этих моделей, а о том, что следует ориентироваться на континентальную и японскую модель базирующегося на банках (*англ.* bank-based model) корпоративного контроля. Из этого, в частности, вытекает, что наиболее приемлемой и продуктивной формой финансирования хозяйственной деятельности российских корпораций является не эмиссионная (через выпуск и размещение акций), а банковская форма финансирования (через кредитование корпораций). Первая форма является доминирующей, вторая – дополняющей ее.

Социально-экономическая доктрина академика Львова, чуждая рыночному (и, добавим, любому иному, в том числе государственному) догматизму, способна не только начертить контуры новой экономики, необходимой России, она создает к тому же возможности и для более углубленного понимания любой, в том числе высокоразвитой рыночной, экономики. Объясняется это принципиальной нацеленностью доктрины на постановку и решение исследовательских задач – исходя не из удобств аксиоматики и инструментальных средств, а из смысла существующих в действительности проблем. Как пишет С.Ю. Глазьев во введении к изданному посмертно сборнику научных трудов Д.С. Львова, такая нацеленность на вопросы «экономической эффективности капитальных вложений, научно-технического прогресса и связанных с ним структурных изменений, использования национального богатства или макроэкономической политики» была органически присуща Д.С. Львову; его всегда «интересовало, прежде всего, их реальное содержание и практическое значение получаемых результатов», а впоследствии все большее внимание он стал уделять «вопросам соотношения экономической политики и нравственных ценностей, добиваясь расширения смыслового поля экономической теории» [7, с. 4].

Последователей у Д.С. Львова – явных и неявных – немало, достаточно упомянуть коллег из кафедры институциональной экономики Государственного университета управления и Центрального экономико-математического института Российской академии наук. Немало тех, кто считают, что, как пишет во введении к монографии Т.М. Гатауллина и В.И. Малыхина академик С.Ю. Глазьев, «экономическая теория уделяет слишком много внимания все более полному удовлетворению потребностей человечества, оставляя без должного внимания все уменьшающиеся ресурсы» [3, с. 3]. Речь идет не только о природных ресурсах, но и о таких, о которых широкая общественность и не помышляет. Так, например, специалисты знают, что «сотовые компании в своих последних достижениях используют радиочастоты, губительные для пчел», вот почему использование сотовой связи в ряде мест США и Канады «сильно ограничено» [3, с. 104]. *Принцип достаточности*, гласящий, что «человечество должно разумно ограничить свои потребности, научиться производить и потреблять всего лишь достаточное число товаров в достаточном количестве» [3, с. 20] и которым, по мнению его авторов, должна руководствоваться как экономическая теория, так и практика хозяйствования, полностью соответствует принципиальным положениям доктрины Львова. Принцип достаточности может претендовать на роль экономического эквивалента более емкого понятия *экологического императива* [5], введенного соратником Д.С. Львова по «Арбатскому клубу» академиком Н.Н. Моисеевым для обозначения «некоторого множества свойств окружающей среды (зависящих от особенностей цивилизации), изменение которых человеческой деятельностью недопустимо ни при каких условиях» [11, с. 82].

Обратимся теперь к новой теории воспроизводства капитала академика Маевского, развиваемой [во многом независимо, но, главное, в переключке с идеями] доктрины Львова и являющейся во-

площением нестандартного подхода последней применительно к переключающемуся режиму воспроизводства – будь то в российской или какой-либо иной экономике. В пользу этого говорят модельные построения, разработанные для представления российской экономики и имитирования особенностей разновозрастных макроэкономических подсистем и денежного обращения, обслуживающего действие этих подсистем, но вместе с тем успешно апробированные также и на материале американской экономики. Так же, как и доктрина Львова, эта теория претендует, и не без оснований, на роль новой альтернативы господствующей ныне макроэкономической теории. Основываясь на согласовании кругооборота метаморфозов капитала с переключающимся режимом воспроизводства, она позволяет увидеть причины сбалансированности экономического роста не в абстрактной максимизации полезности на бесконечном временном горизонте, а в реальных процессах конкуренции и внедрения инноваций, в борьбе профсоюзов за справедливую оплату труда, в политике центральных банков и кредитных организаций. В новой версии этой теории дается анализ более реальной ситуации, с которой сталкиваются многие экономики, подразделяясь на сектор В, создающий потребительские блага, и инвестиционный сектор А, воспроизводящий основной капитал секторов А и В. Соответственно, выделяются наборы разновозрастных мезоэкономических подсистем, образующих сектора А и В, и строится модифицированная модель переключающегося воспроизводства. Экспериментальные расчеты показывают, что принципиальные особенности макроуровня сохраняются на мезоуровне экономики; вдобавок подтверждаются некоторые хорошо известные феномены циклического развития секторов А и В [10], что свойственно экономической динамике вообще, без привязки к конкретным экономическим системам, что отнюдь не является умалением значимости их собственной специфики.

Резюмируя, подчеркнем, что ссылки на эти – одни из многих – примеры были призваны проиллюстрировать потенциальные возможности развития альтернативных неолиберальной доктрине идей, которые были изложены Д.С. Львовым в своей социально-экономической доктрине, прокладывающей путь в будущее – как для России, так и для всех стран, готовых к восприятию и реализации его идей. Это путь свободы – *per se* и *om* тормозящих развитие внешних и внутренних факторов, как-то: «диктата международных политических и экономических организаций, таких, как МВФ»; «давления политических сил исполнительной и законодательной властей»; «безответственных и наделенных верховной властью экспериментаторов, игнорирующих социальную суть и смысл экономики» и др. [8, с. 3–4].

Библиографический список

1. Абалкин, Л. Современное состояние экономического мышления в России (из книги «Логика экономического роста») / Л. Абалкин // Российский экономический журнал. – 2012. – № 11-12. – С. 78–84.
2. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / М. Блауг. – М. : Журнал Вопросы экономики, 2004. – 416 с. – ISBN 5-901389-04-2.
3. Гатауллин, Т. М. Экономическая теория и принцип достаточности / Т. М. Гатауллин, В. И. Малыхин. – М. : ГУУ, 2010. – 143 с. – ISBN 978-5-215-02161-3.
4. Ерзнкян, Б. А. Институциональная модернизация в свете построения в России справедливого общества / Б. А. Ерзнкян // Вестник университета. – 2008. – № 2(23). – С. 82–93.
5. Ерзнкян, Б. А. Экологический императив : Утопия или необходимость / Б. А. Ерзнкян // Montenegrin Journal of Ecology. – 2014. – Vol. 1. – № 2. – P. 17–24.
6. Клейнер, Г. Б. Аксиоматика академика Львова / Г. Б. Клейнер // Вестник Финансовой академии. – 2010. – № 4. – С. 33–44.
7. Львов, Д. С. Миссия России : сборник научных трудов / Д. С. Львов ; под ред. С. Ю. Глазьева, Б. А. Ерзнкяна. – М. : ГУУ, 2008. – 120 с.
8. Львов, Д. С. Свободная экономика России: взгляд в XXI век / Д. С. Львов. – М. : Экономика, 2000. – 54 с. – ISBN 5-282-01994-9.

9. Львов, Д. С. Теоретические и прикладные аспекты управления научно-техническим прогрессом / Д. С. Львов, С. Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. – 1987. – Т. 23. – Вып. 5. – С. 793–804.
10. Маевский, В. И. Особенности и проблемы моделирования переключающегося воспроизводства / В. И. Маевский, С. Ю. Малков, А. А. Рубинштейн // Экономика и математические методы. – 2015. – Т. 51. – № 1. – С. 26–44.
11. Моисеев, Н. Н. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. Междисциплинарные исследования глобальных проблем. Публицистика и общественные проблемы / Н. Н. Моисеев. – М. : Тайдекс Ко, 2003. – 264 с. – ISBN 5-94702-017-3.
12. Райнерт, Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Э. С. Райнерт. – М., 2011. – 384 с. – ISBN 978-5-7598-0816-9.
13. Yerznkyan, B. H. Institutional Economics at the Crossroads: A View from Russia / B. H. Yerznkyan // Montenegrin Journal of Economics. – 2012. – Vol. 8. – No. 1. – P. 27–45.